This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PN
56
P4D38
DASHKEVICH
MIROVAIA SKORB'...

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Dashkevich, N. P. 324.

МІРОВАЯ СКОРБЬ,

МРАЧНОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И ПЕССИМИЗМЪ

въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимущественно новѣйшей французской.

Н. П. ДАШКЕВИЧА.

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владимира
17 января 1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1895.

311

10197

PN56
P4D38

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1895 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимущественно новѣйшей французской.

(Рѣчь, произнесенная профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ на торжественномъ актѣ университета св. Владиміра 17 января *).

I. „Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; лишь мышленіе дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ", говоритъ Шекспировъ Гэмлетъ. Другими словами: лишь собственное мышленіе заставляетъ каждаго усматривать хорошее или худое въ томъ или иномъ явленіи.

Это мимолетное замѣчаніе знаменитаго Шекспирова пессимиста подтверждается какъ нельзя лучше исторіею человѣческой мысли вообще и въ частности исторіею поэзіи. Тотъ самый міръ, созерцаніе котораго наполняетъ восторгомъ однихъ, внушаетъ скорбь, негодованіе, либо холодное презрѣніе другимъ.

Такое сочетаніе противоположныхъ міровоззрѣній представляетъ и наше время. На ряду съ возгласами о прогрессѣ, которые раздавались особливо въ 60-хъ годахъ нашего вѣка, на ряду съ гордыми надеждами человѣческаго генія и никогда не прекращающимися въ человѣчествѣ свѣтлыми упованіями на лучшее будущее, замѣчается колебаніе и отсутствіе цѣльности во множествѣ личностей, не находящихъ твердой опоры для своихъ лучшихъ порываній; представленіе и чувство многихъ людей образованнаго общества на Западѣ и у насъ подавляются безнадежнымъ отношеніемъ къ жизни, угнетаются тяжелымъ кошмаромъ мрачныхъ мыслей. Скорбное міросозерцаніе всецѣло овладѣваетъ не только людьми заурядными, но также и нѣкоторыми

*) Въ интересѣ своевременнаго выхода отчета о торжественномъ актѣ Университета св. Владиміра пока представляемъ сокращенное изложеніе рѣчи; полный же текстъ ея съ надлежащими подтвержденіями и ссылками явится въ печати позднѣе.

изъ даровитѣйшихъ мыслителей и поэтовъ, и набрасываетъ мрачную тѣнь на конецъ нашего вѣка, внушая не ждать ничего лучшаго въ будущемъ и ужасая раскрывающеюся при этомъ бездной человѣческаго отчаянія.

И сколько отъ того печальныхъ явленій въ жизни! Развитіе алкоголизма готовы объяснять и иные ученые исканіемъ забвенія среди невзгодъ жизни. Можно насчитать далѣе тысячи печальныхъ фактовъ добровольной разлуки съ жизнію, многіе изъ которыхъ возводятся съ полною вѣроятностію къ безнадежнымъ идеямъ о мірѣ. Вспомнимъ, что начало маніи самоубійствъ въ новое время было положено и въ поэзіи и въ жизни предками нашихъ разочарованныхъ—Гётевымъ Вертеромъ и лицомъ, послужившимъ отчасти прототипомъ послѣдняго и дѣйствительно покончившимъ съ собою,—Іерузалемомъ. Къ тому-же разряду явленій относится отчасти и анархическое движеніе, отрицающее всѣ существующіе устои жизни. Сопоставимъ съ нимъ „Разбойниковъ“ Шиллера, „Sbogar“-а Нодье и т. п. поэтическихъ героевъ, и мы узнаемъ исходный пунктъ анархизма.

Эти и подобныя явленія—нерѣдко лишь послѣдствія мрачнаго настроенія, не вполнѣ сознательнаго и не строго продуманнаго.

Но безсознательный пессимизмъ, внушаемый природными задатками темперамента, напр., меланхолическаго, элегическое созерцаніе міра, напр., въ виду господства въ немъ смерти, мрачный взглядъ на міръ и существующія отношенія, порождаемый чисто личными неудачами, невзгодами, бѣдствіями и горемъ, эгоистическимъ раздраженіемъ, временнымъ юношескимъ разочарованіемъ, болѣе позднимъ разочарованіемъ въ другихъ и въ самомъ себѣ, либо старческою брюзгливостію, пресыщеніемъ жизнью и мизантропіей, столь свойственное человѣку недовольство настоящимъ—все это явленія низшаго порядка по сравненію съ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ мрачнаго пошиба, основаннымъ прежде всего не на личныхъ скорбяхъ, а на высшихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ жизни лучшими людьми человѣчества. Не всякія жалобы на судьбу, бренность и ничтожество всего земного и не всякое отчаяніе запечатлѣны такимъ возвышеннымъ общимъ интересомъ. Что міръ нашъ не совершенъ, что жизнь въ немъ скоротечна, что онъ полонъ горя, что люди дурны, что жизнь ихъ суетна и ничтожна, такія наблюденія, вѣроятно, существовали и высказывались почти во всѣ вѣка человѣческой исторіи. Но эти наблюденія пріобрѣтаютъ важность не сами по себѣ, а по тому положенію, ккое удѣа-

ляется имъ въ общей системѣ міровоззрѣнія, и по тому выводу, который дѣлается изъ нихъ. Въ старой Индіи и въ Европѣ новаго времени эти извѣчныя и постоянно повторявшіяся наблюденія получили особую силу, были обобщены и возобладали въ особомъ міросозерцаніи. Въ западноевропейской литературѣ это скорбное міровоззрѣніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка получило названіе „міровой скорби“ (Weltschmerz), а въ философіи и въ новѣйшей поэзіи сложилось въ цѣлую систему пессимизма.

Пессимизмъ—болѣе или менѣе осмысленное, систематическое недовольство тою жизнію въ цѣломъ, на которую обреченъ родъ людской, недовольство въ виду *преобладанія непреодолимаго зла* въ мірѣ, въ природѣ и въ человѣкѣ, постоянное и неутѣшное памятованіе о разладѣ дѣйствительности съ нашими стремленіями къ счастію и идеалами и оцѣнка жизни лишь въ предѣлахъ ближайшаго воспріятія этого разлада, внѣ идей о благомъ промыслѣ, цѣлесообразности міра, безсмертіи души и т. п.

Кто не знаетъ, что такое мрачное міровоззрѣніе, выступавшее по временамъ и ранѣе, въ нашемъ столѣтіи, отъ самаго его начала и до сего дня, является настоящею „болѣзнію вѣка“ и овладѣло нѣкоторыми могучими умами и талантами той самой Европы, которая, начиная со временъ эллинской образованности, являлась центромъ энергіи и неустаннаго движенія человѣчества впередъ—къ болѣе свѣтлому будущему?

Всякому образованному читателю извѣстны имена главныхъ поэтическихъ выразителей этого скорбнаго міросозерцанія въ нашемъ столѣтіи на Западѣ, а также представителей его въ философіи. Хотя все еще не возстановлено вполнѣ обаяніе, какимъ пользовалась философія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка, но слова „пессимизмъ“, „оптимизмъ“ постоянно раздаются теперь въ кругу интеллигентнаго общества, и усиленно обсуждаются рѣшенія вопроса о томъ, что такое счастіе, каковы условія его и т. п. Сколько разъ повторялись въ послѣднія десятилѣтія образованными читателями имена Шопенгауэра, Гартманна и Ницше! И какъ распространены подобныя безотрадныя ученія повсюду, въ томъ числѣ и у нашихъ лучшихъ поэтовъ, начиная съ Лермонтова! Сколько грустныхъ нотъ у Тургенева! И сколько пессимизма въ иныхъ произведеніяхъ Достоевскаго! Элементы буддизма привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе у такихъ нашихъ поэтовъ, какъ гр. Л. Н. Толстой и Голенищевъ-Кутузовъ, недавно

увѣнчанный Пушкинской преміей. Не упоминаю о поэтахъ второстепенныхъ, каковы Надсонъ, Минскій и др.

Не удивительно, что это видное теченіе современной мысли и чувства стало предметомъ ходячихъ фразъ и разговоровъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, публичныхъ чтеній и научныхъ разысканій. Противъ философовъ мрачнаго міровоззрѣнія выступаютъ и богословы, и философы-спеціалисты. Въ противовѣсъ пессимизму вновь сооружаются системы оптимизма, какова, напр., новѣйшая система Лорма.

Все это перечитывается и живо интересуетъ образованное общество. Къ сожалѣнію, далеко не многіе изъ интересующихся мрачною поэзію и философіею, цѣнителей, почитателей и критиковъ той и другой надлежаще разграничиваютъ различные роды пессимизма, который, напр., часто въ новой Европѣ рѣзко отличенъ отъ индійскаго; немногіе пытались уяснить причины и условія возникновенія подобныхъ отрицательныхъ явленій человѣческой мысли и чувства; далеко не многіе обращаются къ широкому сравнительно-историческому изученію ихъ, и не всѣ входятъ въ полную и всестороннюю оцѣнку пессимизма.

Для установленія правильнаго взгляда на явленія въ значительной степени важно знать ихъ происхожденіе. А между тѣмъ, вдумывались-ли, напр., отчего пессимизмъ пустилъ такіе глубокіе корни въ Европѣ именно въ нашемъ столѣтіи и особливо въ наше время? Вѣдь чисто философскій генезисъ, основа и оцѣнка пессимизма еще не рѣшаютъ вопроса объ его судьбахъ въ тотъ или иной вѣкъ. Пессимизмъ принадлежитъ къ числу такихъ-же типичныхъ формъ дѣятельности человѣческаго духа, какъ и многія другія, неоднократно повторявшіяся въ исторіи, хотя и съ постоянными отмѣнами. Изъ индивидуальныхъ личностей однѣ обнаруживаютъ преимущественное влеченіе къ пессимизму, а другія не вникаютъ глубоко въ безотрадныя явленія, которыми полна жизнь, и всецѣло уходятъ въ сутолоку ея, либо не находятъ достаточныхъ основаній къ вполнѣ мрачному взгляду на міръ. Такое несходное либо противоположное отношеніе личностей къ жизни можно наилучше наблюдать въ поэтахъ. Вспомнимъ, что жизнь Сервантеса была полна невзгодъ, но авторъ Донъ-Кихота до конца сохранялъ доброе расположеніе духа, относился къ бѣдамъ съ геніальною легкостью и обладалъ способностью веселаго смѣха, свободнаго отъ всякой горечи. Крупнымъ талантомъ усматривать комизмъ людскихъ характеровъ и дѣяній былъ надѣленъ и Мольеръ; онъ испыталъ гораздо меньше

неудачъ въ своей жизни, чѣмъ Сервантесъ, и однако-же относясь къ міру иначе, чѣмъ великій испанскій романистъ. Въ Англіи въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка одновременно подвизались на литературномъ поприщѣ и желчный Свифтъ, и свѣтло глядѣвшій на жизнь Эддисонъ. Но иногда не единичныя только личности, а цѣлые ряды ихъ охватываются мрачнымъ настроеніемъ, которое становится какъ-бы эпидеміею. Такого рода пессимизмомъ характеризуется новѣйшее время у насъ и на Западѣ, гдѣ, напр., недавно бывшій французскій министръ народнаго просвѣщенія Лейгъ въ надѣлавшей много шума рѣчи къ студентамъ призывалъ юношей, утратившихъ жизнерадостность, вернуться къ старой французской веселости и бороться съ пессимизмомъ, повѣявшимъ съ сѣвера.

Этотъ страшный недугъ, становясь повальнымъ, требуетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ оказываетъ огромное вліяніе на установленіе того или иного отношенія къ жизни и на рѣшеніе основныхъ вопросовъ, возникающихъ передъ каждою разумною личностію—вопросовъ о смыслѣ жизни. И помимо того, пессимизмъ представляетъ собою внушающее глубокій интересъ явленіе человѣческой мысли и чувства. Это лишь самая типичная, крайняя и болѣе или менѣе отчетливая формулировка мыслей и чувствованій, омрачавшихъ радость жизни человѣка не только со времени индійскихъ мудрецовъ, а уже съ первыхъ столкновеній стремленія человѣка къ счастію съ суровою дѣйствительностію и ея неумолимыми законами, изъ которыхъ иные навсегда останутся для насъ непреодолимыми силами и не вполнѣ понятными велѣніями. Есть немало величія въ рѣчахъ Прометеевъ человѣческаго рода, гордыхъ титановъ, смѣло бросающихъ въ лицо судьбѣ горькіе упреки и не желающихъ мириться съ нашей низменной долей. Намъ близокъ этотъ мятежный ропотъ и недовольство человѣка своей судьбой, надѣлившей его возвышенными помыслами и стремленіями и обрекающей это высшее изъ созданій на постоянную скорбь, а затѣмъ на гибель наравнѣ съ другими. Переносясь въ мотивы вдохновенія великихъ поэтовъ и мыслителей скорбнаго и мрачнаго міросозерцанія, мы и сами становимся выше. Есть много правды въ словахъ де-Мюссэ о томъ, что „ничто не дѣлаетъ насъ столь великими, какъ великая печаль“.

Эти величавыя движенія человѣческаго духа въ высокой степени интересны и глубоко затрогиваютъ наше сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ они очень трудны для анализа въ силу своей сложности и чрезвычайнаго разнообразія.

Въ виду того, я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе, мм. гг. и мм. г-ни, лишь на нѣкоторыхъ проявленіяхъ скорбнаго и мрачнаго міровоззрѣнія и предложить опытъ классификаціи фактовъ исторіи этого міровоззрѣнія и пессимизма въ европейскихъ литературахъ. Предметомъ настоящаго изложенія будетъ не внѣшній, полный и послѣдовательный, перечень литературныхъ произведеній, въ которыхъ выразилась эта болѣзнь вѣка, а нѣкоторыя изъ тѣхъ обобщеній, какія, на нашъ взглядъ, можно вывести изъ многовѣковой ея исторіи, и діагнозъ ея послѣдняго фазиса.

Особый интересъ при этомъ могло бы представить выясненіе причинъ возникновенія пессимизма въ одной изъ эпохъ и отсутствія послѣдняго въ другія. Рѣшая вопросъ объ условіяхъ, приводящихъ къ расцвѣту и господству пессимизма въ извѣстныя эпохи, важно раскрывать не только генезисъ кабинетныхъ теорій пессимизма, но и обстоятельства широкаго распространенія его въ жизни.

Потому я сосредоточу вниманіе исключительно на поэтическомъ выраженіи пессимизма, важномъ не менѣе философскаго и также представляющемъ весьма цѣнный матеріалъ для изслѣдованія. Поэзія, тѣсно вяжущаяся съ философіею, можетъ наилуше пособить внимательному наблюдателю и изслѣдователю въ открытіи источниковъ широкихъ культурныхъ теченій. Лучшіе изъ поэтовъ—дѣятели не кабинетной теоріи, съ которою можно расходиться на практикѣ, какъ расходился, напр., со своею системою Шопенгауэръ, столь искавшій благъ жизни, а люди многосторонней отзывчивости. Вслѣдствіе того, ихъ произведенія даютъ возможность изучать явленія въ ихъ глубокожизненномъ источникѣ и, равнымъ образомъ, наглядно показываютъ, до какихъ конечныхъ результатовъ доводитъ въ жизни то или иное міросозерцаніе.

Наибольшій интересъ для насъ можетъ представить генезисъ поэтическаго пессимизма, который наближе къ намъ и по мѣсту, и по времени своего происхожденія, т. е. пессимизмаз ападно-европейскаго. При этомъ преимущественнаго вниманія заслуживаютъф раннузскіе провозсвѣтники скорбнаго и мрачнаго міровоззрѣнія, потому что и въ этомъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ, французы явились завершителями литературнаго теченія, которое зарождалось и подготовлялось и въ другихъ странахъ, но въ общемъ развивалось тамъ не съ такою силою. Во французской поэтической литературѣ съ начала настоящаго

столѣтія можно прослѣдить непрерывное и послѣдовательное развитіе пессимизма, какъ ни въ какой другой литературѣ нашего вѣка; тяжкіе вопросы и проблемы нашего существованія ставятся тамъ со всею неприкровенностью и съ полнымъ безстрашіемъ.

Итакъ, не касаясь пессимизма Востока, перейдемъ прямо къ европейскимъ видоизмѣненіямъ этого міровоззрѣнія.

II. Не справедливо утвержденіе, будто античное міросозерцаніе отличалось цѣльностію. Но все-таки надо признать, что отъ классической древности до насъ дошло въ полномъ видѣ лишь одно систематическое изложеніе пессимистической доктрины. Оно принадлежитъ эпикурейцу Люкрецію. Какъ поэтъ, Люкрецій можетъ быть названъ предкомъ нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ пессимистовъ XIX в. Вся его поэма „De natura rerum“ сосредоточивается на страданіяхъ человѣчества, на физическихъ и моральныхъ бѣдствіяхъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность человѣческой участи. Природа создана безъ примѣненія къ нашимъ выгодамъ, и мы подчиняемся тѣмъ-же законамъ, что и она. Ей присуща сила безсознательная, но непреодолимая; единственный аттрибутъ ея—*воля къ жизни*. Это уже какъ бы безсознательное Гартманна. Присущее намъ психологическое зло Люкрецій выводилъ изъ той-же единой причины—„желанія жить“. Эпикурейство въ лицѣ Люкреція пришло, слѣдовательно, къ идеямъ о человѣкѣ, природѣ и Богѣ, которыя аналогичны идеямъ романтиковъ и Парнассцевъ нашего вѣка. Какъ сейчасъ было сказано, прямые продолжатели Люкреція въ поэзіи пессимизма явились только въ нашемъ столѣтіи; до XIX же в. новоевропейскій пессимизмъ не имѣлъ такого философски-отчетливаго и яркаго выраженія въ поэзіи.

А между тѣмъ, начала его восходятъ къ весьма отдаленному времени, ко времени паденія античнаго міросозерцанія.

Цѣльность древняго мышленія была разрушена, и въ немъ началось разобщеніе, когда возникъ разладъ между міромъ духа и міромъ чувственнымъ, при чемъ первый началъ казаться чѣмъ-то инымъ и бо́льшимъ, чѣмъ болѣе или менѣе понятная система явленій. Съ момента этого антагонизма, выступающаго въ философіи болѣе или менѣе отчетливо въ неоплатонизмѣ, и начинается зарожденіе того, что́ мы называемъ новымъ умомъ и новымъ міросозерцаніемъ. Но полному развитію пессимизма долго препятствовало христіанское воззрѣніе на міръ, достигшее господства въ послѣдніе вѣка Римской имперіи и въ столѣтія средневѣковья.

Въ вѣка бурь, ознаменовавшихъ окончательное, внѣшнее разрушеніе древняго міра и закладку новаго, сколько было поводовъ къ мрачному взгляду на жизнь! Но религіозная вѣра спасала отъ упадка духа и поддерживала бодрость, какъ укрѣпляла и Русь въ тяжкіе вѣка татарскаго ига. Знаменитый писатель того времени, блаженный Августинъ провозгласилъ уже чисто новый принципъ объ увѣренности, къ которой приводитъ интеллектуальное сомнѣніе, и въ сочиненіи о „Градѣ Божіемъ“ между прочимъ говорилъ о томъ, что всѣ крайности въ мірѣ, въ отдѣльности кажущіяся намъ противоположными добру, въ томъ числѣ и грѣхъ и страданіе, имѣютъ должное мѣсто во вселенной и соотвѣтственно тому являются элементами ея красоты.

Это ученіе составило основу поэтическаго и ортодоксальнаго религіознаго чувства новаго времени, но не подавляло также и элементовъ скорбнаго созерцанія, которые продолжали прозябать въ средніе вѣка на почвѣ Европы,—именно, въ дуализмѣ между чувственною сферою, плотью, и духомъ и въ антагонизмѣ между „этимъ“ свѣтомъ и „другимъ“, о которомъ постоянно напоминало тогдашнее религіозное ученіе. Въ новое время этотъ разладъ, мучительность котораго раскрыта въ Pensées Паскаля, въ „Фаустѣ“ Гёте и др., долженъ быть стать однимъ изъ главныхъ началъ пессимизма. Вспомнимъ слова Ницше: „мы всѣ похожи на деревья, корнями глубоко въ землю уходимъ, а вершинами къ небу тянемся“.

Великая скорбь средневѣковаго дуалистическаго созерцанія получала тогда и художественное выраженіе. Она не была однако диссонансомъ въ многомилліонномъ хорѣ голосовъ, славившихъ премудрость и благость Божію въ судьбахъ міра и человѣка.

Въ эпоху такъ называемаго Возрожденія поборники этого движенія одушевлялись горячею вѣрою въ жизнь, надеждами на обновленіе человѣческаго общества и культуры и съ молодою энергіею отдавались возстановленію культуры классической древности и водворенію гуманизма. На время тогда даже какъ будто ожили мечты о золотомъ вѣкѣ. Но на отдаленномъ фонѣ сразу началъ показываться силуэтъ меланхоліи: Петрарка и Боккаччіо были уже знакомы, хотя не вполнѣ, съ душевною скорбію, которая такъ развилась въ новое время.

Къ концу Возрожденія начинаютъ слышаться рѣзкіе голоса недовольства міромъ. Зло въ человѣческомъ обществѣ гуманисты приписывали преимущественно неразумію, и въ Германіи Эразмъ Роттердамскій

нарисовалъ широкой кистью грандіозную картину универсальнаго господства глупости.

Выразительнѣе всего печальныя мысли, которыми заканчивалось Возрожденіе послѣ очарованія первыхъ его моментовъ, сказались въ Англіи, у націи, въ которой издавна была сильна наклонность къ меланхолическому созерцанію, на родинѣ Байрона и не менѣе безпокойнаго и страстнаго, но еще болѣе возвышеннаго генія, создавшаго произведенія, носящія имя Шекспировыхъ.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается взглядъ на драму о Гэмлетѣ, какъ на трагедію пессимизма. И дѣйствительно, Датскій принцъ полонъ пессимизма, обусловленнаго и юношескимъ разочарованіемъ, и сомнѣніемъ, которое доходитъ до нигилизма и однако не увѣрено въ самомъ себѣ. За Гэмлетомъ остаются въ тѣни другія, быть можетъ, не менѣе рѣзкія проявленія пессимизма у Шекспира. Изъ совокупнаго разсмотрѣнія ихъ ясно, что не поэтическій только образъ Гэмлета, а самъ Шекспиръ былъ носителемъ пессимизма, и въ жизни великаго драматурга признаютъ теперь цѣлый періодъ удручающаго пессимистическаго міровоззрѣнія. То было какъ бы грозное предвѣстіе мукъ міросозерцанія, долженствовавшаго вновь выникнуть, но еще съ большею силою, полтора вѣка спустя. У Шекспира же всѣ эти мрачные диссонансы его міровоззрѣнія и поэзіи закончились примирительными аккордами послѣднихъ его драмъ, преимущественно „Бури“.

Но въ вѣкъ, когда заключилъ свою дѣятельность Шекспиръ, полное примиреніе противорѣчій, представляющихся уму новаго времени, было уже невозможно. Вопросъ о началѣ зла въ мірѣ живо интересовалъ XVII столѣтіе, хотя, согласно съ духомъ того вѣка,— преимущественно съ богословской точки зрѣнія. Въ „Потерянномъ Раѣ“ Мильтона явился представитель не скорбнаго, а могучаго пессимизма въ лицѣ Сатаны, который съ той поры не переставалъ выполнять роль орудія сомнѣнія и протеста въ поэзіи и постепенно очеловѣчился. Англійскій натурализмъ XVII в. сталъ затѣмъ однимъ изъ философскихъ первоисточниковъ новоевропейскаго пессимизма.

Въ другой передовой странѣ Европы, въ ортодоксально вѣровавшей Франціи XVII в., мысль еще не достигала въ общемъ свободы полета, отличающей англійскую литературу того вѣка. Но могучій умъ Паскаля, бывшаго одновременно и христіанскимъ подвижникомъ и философомъ, немало нылъ въ мукахъ сомнѣнія, склоняясь къ пессимизму

во взглядѣ на существованіе, человѣка, чувство, волю и знаніе послѣдняго. Въ томъ же столѣтіи во Франціи показываются и иныя знаменія: пробиваются начатки матеріализма въ воззрѣніяхъ Гассенди, уроки котораго слушалъ Мольеръ. Послѣдній въ годы юности переводилъ Люкреція. Оставаясь долго добродушнымъ созерцателемъ людской глупости и неразумія, Мольеръ создалъ потомъ съ очевиднымъ сочувствіемъ образъ мизантропа, который, впрочемъ, не есть еще человѣконенавистникъ въ настоящемъ значеніи того слова. Другой знаменитый Мольеровскій герой, Донъ-Жуанъ, вѣритъ въ весьма немногое и глядитъ на міръ и людей съ наглымъ бравированіемъ.

Такъ XVII вѣкъ выдвинулъ уже нѣсколькихъ поэтовъ и писателей, которые, хотя не были постоянными и систематичными пессимистами, все-таки дали волю пессимистическому настроенію въ нѣкоторыхъ изъ своихъ лучшихъ произведеній.

На рубежѣ XVII и XVIII вв. Бэйль уже съ успѣхомъ колебалъ старыя вѣрованія; вѣра однако все еще была сильна и закрывала для многихъ ту пропасть, какую уже открывало углубленіе наблюденія и критическаго анализа. Равнымъ образомъ и разумъ въ чисто метафизическомъ созерцаніи и въ универсалистскомъ направленіи умозрѣнія вѣрилъ еще въ свое величіе.

Мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ, какъ одно изъ преобладающихъ теченій, составляютъ отличительную черту новаго времени въ Европѣ, начиная со второй половины XVIII в., со времени значительнаго потрясенія старой религіозной вѣры и разочарованія въ благахъ пресловутаго просвѣщенія, при быстромъ движеніи знанія впередъ, съ одной стороны, и крайняго развитія индивидуализма, съ другой.

Къ пессимизму приводили, кромѣ тогдашнихъ матеріалистическихъ доктринъ, уже послѣднія философскія мнѣнія Вольтера, который признавалъ, что есть Богъ, но этотъ Богъ дѣлаетъ насъ, неизвѣстно почему, несчастными и злыми; Онъ совсѣмъ не обращаетъ на насъ вниманія,—такъ мы ничтожны въ громадной вселенной.

Еще въ большей степени начинателемъ новѣйшаго пессимизма явился Руссо. Какъ мрачно смотрѣлъ онъ на всю современную ему культуру! Онъ не терялъ, впрочемъ, надежды на ея обновленіе и возвращеніе золотого вѣка человѣчества. Идеаломъ для послѣдняго Руссо ставилъ l'homme naturel и стремился обратить человѣчество къ первобытной естественности, всецѣлый возвратъ къ которой однако невозможенъ, какъ несостоятельны были и грезы о ней, въ чемъ сознался

самъ Руссо. Полнаго зла во вселенной Руссо не усматривалъ; онъ не потерялъ также вѣры въ Высшее разумное существо. Такимъ образомъ, самъ Руссо не былъ настоящимъ пессимистомъ, но онъ впадалъ въ меланхолію, сталъ яркимъ выразителемъ индивидуализма и отрицательнаго отношенія къ обществу, намѣтилъ типъ разочарованнаго въ жизни человѣка и положилъ ему начало въ обыденной обстановкѣ.

Съ той поры, т. е. со второй половины XVIII в., и до нашихъ дней эта болѣзнь разочарованія и сомнѣнія росла и росла. Наиболѣе чуткіе и талантливые поэты всѣхъ передовыхъ странъ Запада одинъ за другимъ выражали и изображали эту болѣзнь, и такъ возникла обширная поэзія скорби существованія. Типъ вышедшихъ изъ колеи, неудачниковъ (déclassés) сталъ однимъ изъ обычныхъ типовъ новѣйшей романической литературы.

Первымъ послѣ „Гэмлета“ поэтическимъ произведеніемъ, отчетливо и широко выразившимъ новоевропейскій пессимизмъ, былъ романъ юнаго Гёте: „Страданія молодого Вертера“ (1774 г.). Здѣсь встрѣчаемся съ образомъ геніальной натуры, которая не можетъ примѣниться къ требованіямъ и пошлымъ идеаламъ общества. Гёте передалъ со всею страстностію молодого вдохновенія муки и печальный исходъ молодого энтузіаста, постепенно суживавшаго кругъ своего очарованія и упованій и не могшаго пережить крушенія послѣдней изъ этихъ надеждъ—надежды найти полную опору въ нѣжномъ сердцѣ обожаемой женщины. Вертеръ положилъ конецъ своимъ страданіямъ самоубійствомъ.

Мрачна также фигура другого выдающагося героя юношескаго творчества Гёте—Фауста. Фаустъ испытывалъ, между прочимъ, ужасное душевное раздвоеніе, и мы слышимъ изъ устъ его слѣдующую жалобу:

Ахъ, двѣ души живутъ въ больной груди моей,
Другъ другу чуждыя,—и жаждутъ раздѣленья!
Изъ нихъ одной мила земля—
И здѣсь ей любо, въ этомъ мірѣ,
Другой—небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эѳирѣ.

Фауста снѣдало также недовольство нашимъ существованіемъ.

Въ душѣ Вертера и Фауста поэтъ раскрылъ, такимъ образомъ, и съ ужасомъ созерцалъ самыя темныя и затаенныя пучины человѣческаго существа. Но въ концѣ великій нѣмецкій поэтъ обрѣлъ утѣ-

шительную увѣренность въ томъ, что въ міровой исторіи побѣждаетъ не злое начало—Мефистофель, а доброе, и Гёте побѣдоносно преодолѣлъ всю тьму земного горя, солнечнымъ свѣтомъ своего разума прозрѣлъ въ высшую разумность міра и провозгласилъ великое слово:

Am Sein erhalte dich beglückt!
Das Sein ist ewig, denn Gesetze
Bewahren die lebend'gen Schätze,
Aus denen sich das All geschmückt.

Такъ пришелъ Гёте къ оптимизму, проистекающему изъ радостнаго созерцанія жизни и ея вѣчныхъ законовъ, не взирая на скорби и страданія индивидуальныхъ существъ. Ясность духа, какой исполнился самъ, достигши примиренія съ жизнью, сообщилъ Гёте и Фаусту подъ конецъ исторіи послѣдняго.

Вертеръ и Фаустъ были могучимъ поэтическимъ выраженіемъ „тоски творенія“ и того душевнаго состоянія, которое было воплощено затѣмъ поэтами послѣдующихъ поколѣній въ цѣломъ рядѣ скорбниковъ и мечтателей.

Бури великой французской революціи конца прошлаго вѣка произвели потрясеніе идей и вѣковыхъ устоевъ жизни, но ожиданія, сопряженныя съ этимъ, не сбылись, и западно-европейское общество вступило въ XIX вѣкъ съ разочарованіемъ въ осуществимости идеаловъ. Оттого неудовлетворенность, завѣщанная XVIII-мъ вѣкомъ, должна была усилиться въ нашемъ столѣтіи.

Господство такого настроенія было закрѣплено даже теоретически. Въ началѣ настоящаго вѣка m-me de Staël признала меланхолію существеннымъ условіемъ новѣйшей поэзіи.

Этому вѣянію поддавались и вѣрующіе и невѣрующіе.

Шатобріанъ въ началѣ XIX-го столѣтія былъ продолжателемъ Вертеризма и въ прозѣ предшественникомъ Байронизма, оставаясь христіаниномъ. Этотъ писатель былъ католикъ, начавшій свое писательство автобіографическимъ любовнымъ романомъ, основаннымъ на inceste, и вмѣстѣ скептикъ, оплакивавшій несчастіе жить. Уже Шатобріанъ страдалъ колебаніями и страстными душевными муками позднѣйшей поры нашего вѣка и вложилъ все это въ душу своего героя. Братъ Амеліи разочарованъ, отрицаетъ людское счастіе и чувствуетъ безсиліе наполнить пустоту души. Въ концѣ René говорится: „Человѣкъ, ты—лишь быстрое сновидѣніе, скорбная мечта. Ты существуешь только по несчастію; ты составляешь что-нибудь, лишь благодаря печали

своей души и вѣчной меланхоліи своей мысли". Шатобріанъ жаловался на „безобразіе дней" и воскликнулъ: „Я не интересуюсь ничѣмъ, что̀ интересуетъ другихъ; мнѣ одинаково наскучили-бы слава и геній, трудъ и отдыхъ, удача и несчастіе. Я съ трудомъ влачу свою скуку вмѣстѣ со своими днями; я прихожу въ уныніе отъ существованія, и всюду во мнѣ является зѣвота отъ того, что я живу".

Значеніе Шатобріана не исчерпывается вкладомъ, внесеннымъ имъ въ поэзію тоски. Онъ явился вмѣстѣ съ тѣмъ во французской литературѣ предвѣстникомъ того, что совершила реалистическая школа нашего времени. Ее связываетъ съ Шатобріаномъ Флоберъ, бывшій страстнымъ почитателемъ послѣдняго.

Шатобріанъ и Лямартинъ какъ-бы переводили оставшихся еще вѣрующими къ безутѣшной скорби. Еще болѣе было поэтовъ этой скорби среди людей, совсѣмъ утратившихъ вѣру.

Въ нашемъ столѣтіи явился цѣлый рядъ лириковъ, ставшихъ преемниками великаго римскаго эпикурейца: Леопарди, Байронъ, de Vigny, M-me Ackermann и др. Въ ихъ произведеніяхъ ожили идеи Люкреція о мукѣ и тоскѣ жизни. Это не христіанскіе поэты, а поэты скорби, тоски и проклятія. Поэзія, а вмѣстѣ и философія ихъ, основана на особомъ отношеніи къ природѣ, къ которой не разъ уже человѣчество искало приближенія въ моменты крайняго извращенія коренныхъ устоевъ цивилизаціи и у которой искало отвѣта на томительные вопросы, когда усилія собственнаго разума рѣшить эти вопросы казались напрасными. Не Божество, а лишь эта природа Люкреція, внутренняя, но глухая и слѣпая, причина существованія, встаетъ предъ мысленнымъ взоромъ поэтовъ—пессимистовъ XIX в. и неизмѣнно отвѣчаетъ на ихъ размышленія о неизвѣстномъ: „Я подчинена Року, неумолимымъ законамъ; лишь слѣдствія этихъ законовъ на виду, а начала ихъ погружены во мракъ непроглядной ночи". Изъ созерцанія этой природы поэты-пессимисты XIX в. выносятъ печаль и усталость, она восхищаетъ ихъ и вызываетъ негодованіе.

Леопарди развилъ стройное ученіе объ infelicità, начала котораго открываются у Люкреція, и первый изъ поэтовъ новаго времени изложилъ въ поэтической формѣ пессимистическое ученіе, приближающееся уже къ философской систематичности и довольно значительно отрѣшающееся отъ чисто личнаго элемента. Леопарди—прямой предшественникъ поэтовъ-пессимистовъ второй половины XIX в.

Другіе поэты скорбнаго міровоззрѣнія первой половины нашего столѣтія еще не были свободны отъ субъективнаго лиризма.

Величайшій изъ „поэтовъ личности“ Байронъ собралъ въ своей поэзіи цѣлый рядъ мотивовъ скорби и отрицанія. Онъ довелъ до громадныхъ размѣровъ печальное раздумье Гэмлета надъ тайною жизни и страстный протестъ Мильтонова Сатаны; онъ былъ также талантливѣйшимъ продолжателемъ Руссо и Шатобріана. Онъ былъ настоящимъ начинателемъ такъ наз. „міровой скорби“. Жизнь его согласовалась съ его поэзіею. Поэтъ гордыхъ порывовъ Чайльдъ Гарольда, насмѣшливаго невѣрія Донъ-Жуана и мрачнаго отчаянія Манфреда былъ полонъ презрительнаго отношенія къ людямъ, гордился своимъ обособленіемъ, и жизнь его протекла въ буряхъ и изгнанничествѣ.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ послѣдователей Байрона во Франціи, Альфредъ де-Мюссэ въ „Confession d'un enfant du siècle“ проанализовалъ съ глубокою искренностію и откровенностію умственную и нравственную болѣзнь своего времени, возводя ее преимущественно къ событіямъ французской исторіи конца прошлаго вѣка и начала настоящаго, къ 1793 и 1814 гг., что вполнѣ понятно во французѣ. A. de Musset писалъ:

Il n'est que trop facile, à qui sait regarder,
De comprendre pourquoi tout est malade en France:
Le mal des gens d'esprit, c'est leur indifférence;
Celui des gens de coeur, leur inutilité.

Эта болѣзнь сомнѣнія, гордаго безсилія, скуки, душевной пустоты, угрюмаго бездѣлья и отчаянія была общa всему поколѣнію времени, слѣдовавшаго за Наполеоновскимъ. Романтическіе скорбники и мечтатели у Шатобріана, Байрона, А. де-Мюссэ, де-Виньи не обрѣтаютъ мира и счастія ни въ чемъ; наслажденія, испытываемыя ими, не приносятъ удовлетворенія ихъ ненасытнымъ желаніямъ и безпокойному сердцу; оттуда неизлѣчимость ихъ болѣзни.

Такимъ образомъ, скорбное и мрачное настроеніе въ поэзіи первыхъ десятилѣтій нашего вѣка сливалось съ такъ называемой романтикой. Какъ и вся романтика, оно было энтузіастично. Романтики нерѣдко рисовались своею печалью и какъ бы находили въ ней удовольствіе. То подготовлялось издавна; напр., уже Паскаль въ сознаніи людьми своихъ несчастій усматривалъ величіе человѣка.

Средневѣковую романтику въ XIV—XVI вв. смѣнялъ почти всюду реализмъ въ литературѣ. Подобный же поворотъ представила и литературная эволюція нашего вѣка. Уже въ началѣ 40-хъ годовъ Сентъ-Бэвъ провозгласилъ конецъ роматизма. На смѣну романтиче-

скихъ химеръ выступило стремленіе къ трезвости, къ исканію точнаго объясненія явленій въ фактахъ, какъ единственной прочной основѣ сужденія. Началось усиленное наблюденіе и изученіе реальныхъ явленій. Позитивизмъ въ наукѣ, реализмъ и матеріализмъ должны были отразиться и въ поэзіи. Въ ней усилился скептицизмъ. Взамѣнъ романтическаго разочарованія и безочарованія выступилъ пессимизмъ натуралистическій. Онъ во многомъ имѣлъ отношеніе къ романтическому, но заключалъ въ себѣ также и новые элементы.

Въ наиболѣе яркомъ видѣ эта фаза поэтическаго пессимизма предстаетъ во французской поэзіи второй половины нашего вѣка. „Болѣзнь вѣка", наполнявшая скорбію сердца романтиковъ, продолжаетъ существовать и теперь, но она скрывается подъ кажущеюся холодностію позитивизма. Вмѣсто меланхоликовъ теперь въ лирикѣ выступаютъ унылые, но безропотные пессимисты. По ихъ мнѣнію, зло человѣка обусловлено безпокойною и ненасытною его натурою, снѣдающими его желаніями и скорбями и растетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей; вмѣстѣ съ послѣднею увеличиваются и гнетущія человѣка несчастія. Равнымъ образомъ и все суетно. Въ этой поэзіи ожили предсказанія касательно конечной гибели міра, впервые высказанныя за много вѣковъ до насъ.

Значительнѣйшими представителями этой лирики во Франціи явились прежде всего m-me Ackermann и Leconte de Lisle.

Луиза Аккерманнъ, урожденная Chuquet, была замѣчательная, высоко даровитая женщина. Не всѣ ея произведенія полны отчаянія. Въ своихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ m-me Ackermann боролась и за идеалы, ратуя противъ кровавыхъ войнъ, смертной казни, безнравственной любви и противъ всего вообще, что препятствуетъ прогрессу, но особенно сильны у этой поэтессы пессимистическія ноты. Наклонность къ пессимизму пробивалась въ m-me Ackermann уже до знакомства съ ученіемъ Шопенгауэра, но достигла преобладанія особливо съ злосчастнаго 1871 г. Въ глубинѣ души m-me Ackermann таилась мысль, что зло не можетъ быть вполнѣ побѣждено и искоренено, и что, напротивъ, господство его будетъ расширяться; человѣкъ, живое воплощеніе всего жалкаго въ мірѣ, все болѣе удаляется отъ идеаловъ, о которыхъ грезилъ, и приближается къ моральному и физическому гніенію.

У Леконта де-Лиль идеи Люкреція предстаютъ въ могучей красотѣ и вмѣстѣ съ дикою силой. Земля полна злыхъ дѣяній, безчи-

сленныхъ бѣдъ и скорбей; человѣчество—„нечистое стадо“, вѣчно рвущееся къ наслажденію и впадающее въ преступленія.

Продолжателями Леконта де-Лиль явились лирики младшей генераціи, эрудиціонные поэты, сравнительно мало читаемые въ массахъ, какъ не былъ широко популяренъ и Леконтъ де-Лиль.

Болѣе могучимъ по воздѣйствію на массы выразителемъ пессимизма сталъ романъ второй половины нашего вѣка, который вообще является господствующимъ теперь родомъ литературы.

Особливо укоренился пессимизмъ въ такъ называемомъ натуралистическомъ романѣ, такъ какъ крайній реализмъ въ искусствѣ самъ по себѣ уже предрасполагаетъ къ не особенно свѣтлымъ картинамъ жизни.

Уже у начинателя новѣйшаго французскаго реализма, Флобера, автора „M-me Bovary“, сказывалось утвержденіе нашего ничтожества, уныніе напрасныхъ усилій, чувство безполезности всего, отрицаніе человѣческаго счастія, горечь и иронія. „Нѣтъ нужды“, говорится въ „Tentation de saint Antoine“, обладать радостями, чтобы чувствовать ихъ горечь. Ничего болѣе не надо, какъ только посмотрѣть на нихъ издали, и васъ охватываетъ отвращеніе“.

Не безъ вліянія Флобера получили направленіе таланты Daudet, Zola, Maupassant-a, Loti и др.

Золя—даровитѣйшій и значительнѣйшій представитель пессимизма въ современномъ романѣ. Послѣ Флобера въ сферѣ художественнаго творчества онъ сталъ однимъ изъ первыхъ вождей того культа естественнаго человѣка и натурализма, который развился по преимуществу во Франціи во второй половинѣ нашего вѣка, смѣнивъ собою страстные и возвышенные порывы романтизма.

Золя задумалъ сообщить своимъ широкимъ картинамъ соціальной жизни научное значеніе и въ своемъ трактатѣ объ экспериментальномъ романѣ постоянно говоритъ о „méthode scientifique, le sens du réel, la verité“ и т. п., возмнивъ, что лишь натуралистическая литература обладаетъ всѣмъ этимъ. На дѣлѣ однако натурализмъ Золя и его послѣдователей не можетъ назваться точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности: создавъ немало отдѣльныхъ прекрасныхъ картинъ и эпизодовъ, онъ страждетъ все-таки односторонниимъ воспріятіемъ жизни, напр.,—со стороны явленій, которыя Золя объясняетъ согласно съ учебниками патологіи и физіологіи.

По взгляду Золя, „жалкое, злополучное человѣчество“ „обязано своими рѣдкими мгновеніями блаженства вѣковѣчному обману“.

Авторъ противопоставляетъ „мистическому экстазу“ права „плоти, вопіющей о возмездіи“, „всемогущество, непоколебимые законы жизни, требующей себѣ простора“. Съ этой точки зрѣнія слагается и взглядъ на любовь. „Любить другъ друга, принадлежать другъ другу вопреки всѣмъ препятствіямъ, жить и служить къ продолженію жизни, не къ этому-ли сводится единственная цѣль природы, помимо всякихъ общественныхъ и религіозныхъ преградъ?..“

Но должно замѣтить, что, начиная съ романа „La Terre“, Золя какъ будто нѣсколько сворачиваетъ въ сторону отъ своего прямолинейнаго натуралистическаго пессимизма.

III. Еще болѣе замѣтенъ и характернѣе такой поворотъ въ дѣятеляхъ французской литературы, выступившихъ въ 80-хъ годахъ нашего вѣка.

Изъ нихъ однимъ изъ самыхъ видныхъ выразителей и завершителей новѣйшаго натурализма и вмѣстѣ пессимизма въ поэзіи можетъ быть названъ скончавшійся въ половинѣ 1893 года Guy de Maupassant.

Слава его такъ велика, что сдѣлалась даже предметомъ анекдотовъ, и недавно Бурже призывалъ соотечественниковъ къ сооруженію національнаго памятника ему.

И на нашъ взглядъ, изъ современныхъ французскихъ писателей de Maupassant представляетъ особенный интересъ. Это—„настоящій, полный и чистый реалистъ“,—характернѣйшій изъ современныхъ французскихъ реалистовъ въ силу полной беззастѣнчивости, а иногда даже и безстыдства своихъ картинъ, за которое Lemaitre сравнилъ Maupassant-а съ лѣснымъ сатиромъ, а также въ силу полной индивидуальности и искренности, составляющей огромную заслугу Мопассана въ глазахъ изслѣдователя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мопассанъ и лучшій въ ряду писателей натуралистическаго направленія, благодаря крупному своему поэтическому таланту и тому, что онъ болѣе всѣхъ другихъ реалистовъ лелѣялъ высокій литературный идеалъ и наиболѣе заботился о художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній. Научныя теоріи не предрѣшали и не подавляли творчества Мопассана. Всѣмъ этимъ онъ сталъ выше Золя, изъ круга послѣдователей котораго выступилъ въ 1888 году, т. е. со времени выхода въ свѣтъ романа Золя „La Terre“.

Въ ряду современныхъ французскихъ беллетристовъ Мопассанъ принадлежалъ къ писателямъ, которые наиболѣе могли будить мысль количествомъ и постановкой прямо затрогиваемыхъ вопросовъ, либо такихъ, на которые наводятъ во множествѣ нарисованныя имъ кар-

тины жизни... Изъ современныхъ пессимистовъ-натуралистовъ Мопассанъ—наиболѣе пылкій, послѣдовательный въ жизни и дѣятельности и наиболѣе глубокій. Онъ ярче другихъ выказалъ весь разладъ души современнаго образованнаго человѣка, выросшаго въ средѣ, гдѣ вполнѣ расшатаны вѣковые устои жизни. Онъ сказалъ послѣднее слово душевной болѣзни нашего вѣка въ томъ ея фазисѣ, когда она еще не подавляетъ ума и добрыхъ влеченій сердца. Послѣдняя эволюція этой болѣзни обнаружилась въ Мопассанѣ многостороннѣе, шире и яснѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, благодаря крайней подвижности, воспріимчивости и отзывчивости его натуры, дошедшей въ концѣ даже до болѣзненной чувствительности, о которой онъ самъ говоритъ такъ ясно въ „Le vie errante". Это одновременно и Боккаччіо, и Вертеръ XIX в. Мопассанъ характеризуетъ собою какъ нельзя лучше весь кризисъ извращенной культуры нашего времени, нашедшей въ немъ своего Руссо, и весь трагизмъ натурализма и связаннаго съ нимъ пессимизма: и тотъ и другой становится ужасно печальнымъ въ передачѣ Мопассана. Наконецъ, Мопассанъ знакомитъ насъ какъ нельзя лучше съ причинами того утомленія, какое испытываютъ богато одаренныя личности, искавшія удовлетворенія лишь въ такъ называемыхъ естественныхъ инстинктахъ и пресыщенныя жизнью. Онъ послужилъ однимъ изъ поучительныхъ примѣровъ того, до какой ужасающей бездны доводитъ полный разрывъ съ крѣпкими руководительными началами, которыя установлены вѣковымъ трудомъ лучшихъ людей человѣчества.

Мопассанъ, какъ и Флоберъ, родился въ Нормандіи,—слѣдовательно, въ странѣ, въ населеніи которой слилась подвижная натура кельта съ вдумчивой натурой германца. И Мопассанъ какъ-бы совмѣстилъ въ себѣ наблюдательность, веселость, игривость, фривольность, насмѣшливость, иронію, словомъ то, что́ называютъ esprit gaulois, и что́ сообщало особую прелесть средневѣковымъ fabliaux, contes Ляфонтена и Вольтера, съ меланхоліею германца, способною доходить до пессимизма, въ какой погрузился-было на время свѣтлый и могучій духъ Шекспира. Замѣтимъ, что Мопассанъ уже съ 15 лѣтъ думалъ о смерти, что̀ можетъ объяснить многое въ его міросозерцаніи.

Литературное направленіе Мопассана выработалось преимущественно подъ вліяніемъ его крестнаго отца, Флобера. Посвящая Флоберу свои первыя произведенія—„Des Vers", Мопассанъ назвалъ его

„славнымъ, относящимся по-отечески и любимымъ со всею нѣжностью другомъ“ и „безупречнымъ наставникомъ, внушающимъ удивленіе предпочтительно передъ всѣми“. Какіе уроки Мопассанъ получалъ отъ Флобера, можно видѣть хотя-бы изъ посланія Флобера къ автору „Des Vers“, его „дорогому доброму малому“ (bonhomme), какъ называетъ Флоберъ Мопассана. По вопросу о морали, который естественно поднимался при чтеніи не всегда пристойныхъ стихотвореній Мопассана, принятыхъ Флоберомъ подъ свое покровительство, литературный учитель заявилъ, что „то, что прекрасно, то и морально,— вотъ и все“. Флоберъ привелъ при этомъ замѣчаніе Лябрюйера: „весь умъ автора состоитъ въ томъ, чтобы хорошо опредѣлять и хорошо изобрѣтать“, и вложилъ въ уста Мопассану оправдательный вопросъ: „въ чемъ-же состоитъ преступленіе проповѣдующаго культъ женщины?“ Въ концѣ Флоберъ отозвался съ ироніей о „великой партіи порядка“, о власти и о томъ, что, какова бы ни была форма правленія, оффиціальная эстетика не измѣняется. „У земли есть границы, заключилъ Флоберъ, но глупость человѣческая безгранична“. Такимъ образомъ, первое побужденіе къ пессимизму Мопассанъ могъ воспріять отъ этого своего литературнаго учителя.

Но къ пессимизму могла располагать молодого писателя и вся обстановка, среди которой онъ выросъ.

Франція является теперь страной, изобилующей болѣе всякой другой всевозможными экстравагантностями и неожиданностями. Французская жизнь второй половины нашего вѣка проходитъ въ постоянномъ и рѣзкомъ столкновеніи политическихъ и моральныхъ теченій, влекущихъ въ разныя, часто противоположныя, стороны; рядомъ со средневѣковою католическою набожностію, ведущею въ Лурдъ, царятъ скептицизмъ, отрицаніе, матеріализмъ и полная расшатанность нравовъ. Кромѣ горячаго національнаго чувства, въ остальномъ устойчивости мало. Правда, порядокъ не нарушается отъ того, жизнь разнообразна и кипуча, но сами французы называютъ иногда свою цивилизацію „чрезмѣрной“.

Поэтъ, вырастающій въ такой средѣ и избирающій ее предметомъ наблюденія, если даровитъ и склоненъ къ вдумчивости, чаще наталкивается на величайшія проблемы духовной жизни человѣка и общежитія и находится въ болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ поэтъ иныхъ странъ. Онъ вынесетъ изъ созерцанія безотрадной дѣйствительности много горечи и мало положительныхъ вдохновляющихъ наблюденій.

Въ такомъ положеніи очутился, подобно многимъ другимъ своимъ сверстникамъ, и Мопассанъ, юность котораго совпала вдобавокъ съ временемъ страшнаго потрясенія, испытаннаго Франціею во время разгрома 1870 и 1871 гг. и послѣ того.

Отправившись отъ всѣхъ этихъ воздѣйствій, Мопассанъ весьма сознательно и скоро опредѣлилъ свое литературное призваніе и отношеніе къ предыдущимъ писателямъ родной страны.

Онъ призналъ, напр., великимъ поэтомъ Леконта де-Лиль, де-Мюссэ же считалъ поэтомъ молодыхъ людей. Онъ впиталъ въ себя отрицательныя мысли корифеевъ XVIII в., Вольтера и Руссо, идеи безвѣрія и отрицанія цивилизаціи.

Повидимому, Мопассанъ не остался свободенъ и отъ той моральной заразы, ядъ которой обильно разлитъ въ извѣстномъ цѣломъ отдѣлѣ французской литературы прошлаго вѣка и настоящаго, а также предыдущихъ. Мопассанъ выступилъ на литературномъ поприщѣ прежде всего съ эротическими поэмами въ духѣ этой литературы, да и въ послѣдующее время постоянно являлся артистическимъ изобразителемъ всѣхъ тревогъ, вносимыхъ въ пылкую и страстную душу любовію.

Но инстинкты великаго поэтическаго дарованія не позволили Мопассану закружиться въ омутѣ разгула. Онъ не погрязъ также въ тинѣ узкихъ интересовъ чиновничества, къ которому принадлежалъ нѣкоторое время по своему служебному положенію. Онъ какъ бы поднимался надъ жизнью, среди которой приходилось ему бывать, и какъ бы глядѣлъ на нее изъ нѣкотораго отдаленія. Онъ велъ жизнь довольно уединенную и замкнутую, уходилъ въ себя отъ свѣта и друзей, и свѣтъ мало зналъ объ его интимной жизни. Грустная натура его не находила полнаго утѣшенія ни въ чемъ. „Всякая радость здѣсь всегда неполна“, читаемъ уже въ одномъ изъ первыхъ произведеній Мопассана: „счастіе длится лишь моментъ“. И не удивительно, что Мопассанъ подъ конецъ своей жизни любилъ подолгу странствовать, велъ „la vie errante“. Жизнь занимала его не только въ опредѣленныхъ, разъ отмежеванныхъ явленіяхъ, но и въ ихъ широкомъ сцѣпленіи и цѣломъ ихъ рядѣ.

Мопассанъ занялся изученіемъ жизни и рѣшеніемъ ея загадки. Первымъ источникомъ и вдохновителемъ поэта Мопассанъ, какъ и всѣ реалисты, считалъ наблюденіе и непосредственное воспріятіе. Онъ созерцалъ жизнь и людей во всѣхъ сферахъ, начиная съ Парижскихъ салоновъ, мастерскихъ художниковъ, обиталищъ поэтовъ, Парижскихъ

бульваровъ и кофеенъ, модныхъ купаній и заведеній минеральныхъ водъ, игорныхъ домовъ и оканчивая деревенскими судами, тавернами и палатками кочевниковъ африканскихъ степей; онъ наблюдалъ на всемъ протяженіи Франціи отъ городовъ и деревень Нормандіи до Провансальскаго юга включительно, и въ другихъ странахъ, напр., въ Алжирѣ. Предметами его анализа были люди самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній: государственные дѣятели — члены палаты депутатовъ, организаторы обширныхъ финансовыхъ предпріятій, профессора, медики, художники, Нормандскіе или Парижскіе буржуа, собственники, чиновники, сельское духовенство, моряки, крестьяне Нормандіи и южныхъ областей, деревенскіе батраки и служанки и т. п. Мопассанъ оказался однимъ изъ самыхъ остроумныхъ и внимательныхъ наблюдателей. То, что онъ замѣчалъ, онъ воспроизводилъ въ формѣ романовъ, но, преимущественно, въ болѣе сжатой рамкѣ разсказцевъ-contes и новеллъ, въ которыхъ считается особымъ мастеромъ. Уловленное тонкою воспріимчивостью Мопассана отливалось въ пластическую форму, съ большою долею мастерства даже въ обрисовкѣ грубыхъ сценъ.

Въ цѣломъ рядѣ романовъ, новеллъ, разсказовъ, стихотвореній, драмъ и путевыхъ замѣтокъ Мопассана, кромѣ самыхъ изображеній жизни Франціи и странъ, по которымъ онъ путешествовалъ, для насъ интересна та мысль, которая сопровождала повѣствованія и описанія Мопассана и постоянно сквозитъ черезъ разсказъ, составляя его душу. Скорбный процессъ развитія этой мысли глубоко поученъ.

Началъ Мопассанъ, по выраженію Lemaitr-a съ „философіи самой прямой и самой отрицательной, съ чистаго нигилизма“.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Мопассанъ выказываетъ себя послѣдователемъ натурализма, не вполнѣ отрѣшеннаго отъ жизнерадостности, хотя, преимущественно, — въ одномъ направленіи: онъ обработывалъ съ любовью тѣ самыя эротическія темы, которыхъ касался и во многихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, и съ тою-же беззастѣнчивостію. Зачатки пессимизма сказывались пока лишь въ общемъ взглядѣ на человѣка и на тѣ радости, которыя скрашиваютъ ничтожество существованія. Уже тогда Мопассанъ былъ пессимистомъ, потому что останавливался на низменнѣйшемъ и печальнѣйшемъ изъ утѣшеній — чувственности. Въ заключеніи „Propos des rues“ Мопассанъ замѣтилъ о герояхъ этого разсказца: „И у нихъ, по словамъ ученыхъ священниковъ, есть душа! И если представляютъ доказательство, изъ кото-

раго съ увѣренностію можно усматривать, что Богъ, при созданіи человѣка, поставилъ его выше животнаго, то оно состоитъ въ томъ, что Богъ вложилъ въ голову человѣка возвышенную мысль, и этотъ благородный умъ постоянно прогрессируетъ. Но вотъ во все время, въ которое существуетъ этотъ старый міръ, глупость держится упорно. Еслибы мое сердце колебалось въ выборѣ между человѣкомъ и теленкомъ, мой умъ хорошо зналъ-бы, какой сдѣлать выборъ, ибо я не понимаю, училищные сторожа, какъ можно предпочитать глупость говорящую глупости молчащей".

Что подобныя замѣчанія проистекали изъ пессимизма, опредѣленно слагавшагося уже въ годы молодости Мопассана, видно и изъ первыхъ произведеній его въ прозѣ. Тотъ, кто сочтетъ пессимизмъ послѣднихъ произведеній Мопассана слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія его духа въ годы передъ роковой катастрофой, закончившей его жизнь, допуститъ ошибку и крупную несправедливость. Мопассанъ сталъ пессимистомъ уже въ годы цвѣтущей молодости, когда онъ не былъ еще истомленъ усиленнымъ трудомъ и не вполнѣ правильною жизнью, и когда онъ не прибѣгалъ еще къ кофеину и эѳиру, разстроившимъ его силы впослѣдствіи.

Уже въ разсказѣ „Boule de suif", положившемъ начало славѣ Мопассана, авторъ въ духѣ Вольтера отмѣчалъ проявленія „грубой и жестокой безсознательной силы", разрушающей иногда все, что охраняли законы людскіе или законы природы. „Землетрясеніе, погребающее подъ развалинами домовъ цѣлыя поселенія, рѣка, вышедшая изъ береговъ и несущая въ своихъ волнахъ утонувшихъ крестьянъ вмѣстѣ съ трупами быковъ и балками размытыхъ крышъ, или побѣдоносная армія, избивающая людей защищающихся, а остальныхъ влекущая въ плѣнъ, грабящая во имя права сабли, возносящая благодарственныя молитвы къ Богу при грохотѣ пушекъ—все это страшные бичи, подрывающіе вѣру въ вѣчную справедливость и во внушаемое намъ довѣріе къ покровительству неба и къ силѣ человѣческаго разума". Противъ этихъ бѣдъ „тщетны вся мудрость и всѣ усилія людей". Въ этомъ замѣчаніи уже слышится противохристіанскій безнадежный пессимизмъ, и просвѣчиваетъ ближайшій источникъ послѣдняго—бѣдствія, пережитыя Франціею въ 1870 и 1871 гг. и оставившія глубокій слѣдъ въ умахъ молодежи того времени, къ которой принадлежалъ и Мопассанъ.

На первыхъ порахъ однако пессимизмъ Мопассана не высту-

палъ такъ рѣзко, какъ впослѣдствіи. Онъ проскальзывалъ лишь въ тѣхъ или иныхъ, сдѣланныхъ какъ будто невзначай, вставкахъ печальныхъ мыслей въ повѣствованіе—а главное, въ крайне реалистической и по временамъ иронической обрисовкѣ личностей, которыя представали со всѣмъ своимъ эгоизмомъ и другими неприглядными качествами своей натуры. Таковы, напр., въ „Boule de suif“ „честные подлецы“, сначала принесшіе героиню разсказа „въ жертву, а потомъ отбросившіе ее, какъ грязную, безполезную вещь“, аристократы и аристократки, буржуа-капиталисты, монахини и также представитель демократіи; въ наиболѣе симпатичной обрисовкѣ является героиня разсказа.

Но, несмотря на то, что свѣтъ полонъ нехорошихъ людей, въ первое время творчества Мопассана жизнь не казалась еще ему безусловно скверной: „Жизнь, видите, не такъ хороша и не такъ дурна, какъ думаютъ“, читаемъ въ концѣ перваго Мопассанова романа „Une Vie“.

Принявшись за воспроизведеніе человѣческой натуры и ея жизни съ точки зрѣнія натуралистическихъ воззрѣній и оттѣняя господство инстинктовъ въ человѣкѣ, Мопассанъ особенно часто останавливался на изображеніи всевозможныхъ любовныхъ отношеній, видоизмѣняя на самые разнообразные лады эту тему, столь благодарную и привлекательную для поэта натурализма. Мопассанъ явился пѣвцомъ и проповѣдникомъ любви, но по преимуществу—чисто французской.

Съ годами разработка этой основной темы становилась шире, прибавлялись новые сюжеты, и тонъ творчества Мопассана звучалъ грустнѣе и грустнѣе. Мопассанъ не разъ говорилъ теперь о мучительности одиночества, о томъ, какъ и въ поздніе годы хочется жить всею жизнью кипучей молодости, вспоминаются ея радости, „вдыхаешь въ себя ароматъ старыхъ цвѣтовъ и молодыхъ лѣтъ“, но послѣднія оказываются невозвратными, и т. п. Постепенно разсѣивались тѣ немногіе миражи, которые плѣняютъ воображеніе молодости, и грезы, чарующія юное и наивное сердце, а вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе стало обнаруживаться пессимистическое міросозерцаніе Мопассана.

Съ перваго взгляда оно можетъ казаться не совсѣмъ мрачнымъ. Мопассанъ заявилъ, что онъ любитъ землю, какъ любятъ всѣ животныя существа; вѣдь въ немъ, по его словамъ, трепетали „всѣ инстинкты и всѣ смутныя вожделѣнія низшихъ тварей“. Онъ любилъ землю, „не восхищаясь ею, не поэтизируя и не превознося ея. Я лю-

блю, говорилъ онъ, животною и глубокою любовью, презрѣнною и въ то же время священною,—люблю все, что живетъ, все, что мыслитъ, все, что у меня передъ глазами. Все это, не возмущая моего духа, волнуетъ мои взоры и мое сердце: все—дни, ночи, рѣки, моря, бури, лѣса, зори, взглядъ и тѣло женщины". Но не должно забывать, что эпикуреизмъ и пессимизмъ нерѣдко сходятся.

Соотвѣтственно отреченію отъ идеализаціи и уравненію себя со всѣмъ живущимъ, Мопассанъ изображалъ и человѣка, какъ животное. Главная заслуга Мопассана заключается въ безпощадномъ анализѣ и разоблаченіи естественныхъ—животныхъ—мотивовъ дѣйствій людей всѣхъ слоевъ общества, въ ясной, точной и вмѣстѣ вполнѣ художественной обрисовкѣ ихъ характеровъ, находящихся во власти инстинктовъ и естественныхъ влеченій, и въ указаніи отношенія дѣйствій человѣка къ темпераменту, складу общественной жизни и соціальнымъ условіямъ.

Встрѣчаются по временамъ въ творчествѣ Мопассана и болѣе или менѣе свѣтлыя и симпатичныя личности, каковы, напр., m-lle Perle или героиня романа „Une vie", но онѣ несчастны, потому что добрыя качества ихъ не устраняютъ промаховъ и недостатковъ, либо условія жизни и другіе люди явились препоною ихъ счастію.

Въ общемъ Мопассанъ смотрѣлъ на человѣка, какъ на „créature inférieure", и такою низшею тварью представлялся ему человѣкъ и въ тѣ моменты, когда принимаетъ роль возвышеннаго созданія. Въ какомъ жалкомъ видѣ предстаетъ человѣческое общество у Мопассана! Характеровъ высшей культуры не видимъ у него.

Индивидъ неповиненъ въ своихъ дѣяніяхъ, которыя обусловливаются врожденными влеченіями, постороннимъ воздѣйствіемъ и обстоятельствами.

Вообще люди—животныя, „похожія на живые механизмы,—съ ихъ неизмѣнными инстинктами, передаваемыми изъ рода въ родъ". Въ человѣкѣ дѣйствуютъ часто инстинктивныя силы, которыхъ не въ состояніи подавить ничто, даже вѣра, какъ, напр., не подавила ихъ въ аббатѣ Вилльбуа. Личность человѣка какъ бы раздвоется, потому что „сердце имѣетъ свои резоны, которыхъ не знаетъ разумъ", говорится въ Musotte; въ этихъ случаяхъ какъ бы остается искать руководительныхъ началъ въ добрыхъ инстинктахъ нашего сердца.

Среда заѣдаетъ натуры, прекрасныя въ своихъ задаткахъ. Она доводитъ до слѣдованія по материнской дорогѣ Иветту, она толкаетъ

честныхъ дѣвушекъ на печальный путь. Личности неповинныя гибнутъ, становясь жертвой низкихъ страстей, эгоистическихъ влеченій и т. п., какъ, напр., дѣвочка Рокъ. Чѣмъ виноватъ Mons. Parent въ разрушеніи своего семейнаго счастья, а вмѣстѣ и счастія всей своей жизни? И т. п.

Въ обществѣ всюду борьба за существованіе, гоньба за деньгами, властью и удовольствіями.

Дѣлаютъ ли что-нибудь государство и общество съ лелѣемою ими культурою въ предотвращеніе, устраненіе либо облегченіе золъ жизни? Нѣтъ, они споспѣшествуютъ преступленіямъ противъ естественныхъ правъ личности, освящая закономъ вредные обычаи, либо оказываются безсильными. Такой взглядъ Мопассана на государство и общество напоминаетъ отрицательныя идеи Руссо.

Общественный складъ, установившіяся его нормы убиваютъ возможность счастія лицъ, которыя такъ близки къ послѣднему по задаткамъ своей натуры, либо по своему положенію. Лучшія стороны и влеченія человѣческой природы терпятъ стѣсненіе въ своемъ развитіи въ хорошую сторону. Это сказывается, напр., въ закрѣпленіи государствомъ браковъ и, слѣдовательно, въ поддержкѣ печальнѣйшихъ явленій, которыми сплошь да рядомъ характеризуются взаимныя принудительныя отношенія мужа и жены въ интеллигентныхъ классахъ общества; въ результатѣ мечты женъ о счастіи внѣ брака, упоительномъ блаженствѣ любви, не навязываемой насильственно, и т. п.

Въ установленіи и дѣятельности государства Мопассанъ не видитъ никакого ума. „Народъ—слабоумное стадо, то глупо терпѣливое, то свирѣпо бунтующееся. Ему говорятъ: „забавляйся“—и онъ забавляется. Ему говорятъ: „ступай сражаться съ сосѣдомъ“—и онъ идетъ биться. Ему говорятъ: „вотируй за императора“,—онъ вотируетъ за императора. Потомъ ему скажутъ: „вотируй за республику“, и онъ вотируетъ за республику. Тѣ, которые правятъ, также глупы; но вмѣсто того, чтобы повиноваться людямъ, они повинуются принципамъ, которые могутъ быть лишь глупыми, безплодными и ложными, уже въ силу того, что они принципы, т. е. идеи, которыя признаются за вѣрныя и неизмѣнныя въ этомъ мірѣ, гдѣ нельзя быть увѣрену ни въ чемъ, потому что свѣтъ—иллюзія, потому что шумъ—иллюзія“.

Въ своемъ отрицаніи цивилизаціи Мопассанъ пошелъ еще далѣе Руссо.

Религія— наивность либо фарсъ по Мопассану. Наука и искус-

ство, въ частности поэзія, терпятъ полную неудачу въ своихъ усиліяхъ переплагнуть разъ оказавшіеся неодолимыми предѣлы. Мысль человѣка, „достигнувъ опредѣленныхъ, ближайшихъ, непереступаемыхъ границъ, кружится какъ лошадь въ циркѣ, какъ муха въ закупоренной бутылкѣ, летающая, пока не коснется стѣнокъ, о которыя неминуемо стукается". Прогресса, слѣдовательно, нѣтъ. Равнымъ образомъ, и искусство послѣ нѣсколькихъ мастерскихъ созданій однообразно повторяетъ становящіеся скучными сюжеты.

Отсюда вытекаетъ, что въ сложной драмѣ сталкивающихся и переплетающихся страстей, интересовъ и инстинктовъ, какую представляетъ жизнь въ обществѣ, полное счастіе невозможно; религія, наука и искусство не могутъ ничего подѣлать и безсильны доставить намъ истинное утѣшеніе.

Если и можетъ человѣкъ достигнуть сколько-нибудь продолжительнаго счастья, то—лишь вдали отъ общества съ его культурою,—въ уединенной жизни четы, счастливой своею любовью въ своей ограниченности и не знающей высшихъ интересовъ и идеаловъ.

Любовь доставляетъ однѣ изъ лучшихъ радостей въ жизни. Она внушается самой природой, и влеченіе къ ней достигаетъ чарующей прелести въ ensembl-ѣ съ подобнымъ же настроеніемъ и нѣгой въ окружающей природѣ, напр., во время лѣтней лунной ночи, при пѣніи соловья и т. п.

На ряду съ любовію украшаетъ жизнь созерцаніе прекрасной природы. Въ восхищеніи послѣднею Мопассанъ вновь роднится съ Руссо, а также съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ поэтовъ—пессимистовъ. Природа, „полная таинственности", волнуетъ человѣка сладостнымъ чувствомъ и мечтами. Начиная съ „Le Mur" Мопассанъ не разъ рисовалъ картины прекрасной лунной ночи, пробуждающей въ душѣ радостную тревогу, и говорилъ о воздѣйствіи чудныхъ ландшафтовъ на усталую душу. Онъ постоянно помѣщалъ дѣйствіе своихъ повѣствованій въ обстановку того или иного пейзажа, какъ бы устанавливая соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ.

Одиночество, которое рекомендовалъ Шопенгауэръ, казалось иногда невыносимымъ Мопассану, но въ другіе моменты онъ искалъ его, утомленный жалкою суетнею Парижской жизни. Вспомнимъ начало „La vie errante", описаніе того, что поэтъ чувствовалъ при видѣ Эйфелевой башни и всей суетни, окружавшей ее.

Отъ извращенія цивилизаціи, претившаго поэту, онъ любилъ уда-

ляться на лоно природы, преимущественно на море. Очаровательное Средиземно-морское побережье, дико-прекрасная природа Корсики и Алжира, волны безбрежнаго моря убаюкивали изстрадавшуюся душу Мопассана, и онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ плавалъ по морю вдоль береговъ южной Франціи, западной Италіи, Алжира.

Итакъ, природа и любовь—вотъ источники немногихъ истинныхъ радостей человѣка. Къ нимъ сводилъ всю оставшуюся еще ему нѣкогда отраду Вертеръ; къ такой же концепціи пришелъ и нашъ Лермонтовъ, съ которымъ можно открыть много сходства въ Мопассанѣ, а также и нѣкоторые другіе поэты скорби существованія.

Что до мысли, то, „за неимѣніемъ лучшаго, все-таки отрадно мыслить, живя въ одиночествѣ", говоритъ Мопассанъ,—опять приближаясь къ идеѣ, напоминающей воззрѣнія Лермонтова и его Печорина.

Вообще жизнь печальна. Даже въ одной изъ лучшихъ ея радостей—любви—бываетъ такъ мало продолжительности. Личность никогда не бываетъ вполнѣ понята другими и всегда является одинокою, даже въ моменты любви, когда связь основывается на „l'affinité des chairs" (на родствѣ тѣлъ), даже въ своей семьѣ (ср. Bel Ami и смерть Ивана Ильича). Но суета жизни отвлекаетъ людей отъ памятованія объ ея концѣ. Въ годы молодости, когда все еще ново и не извѣдано, ускользаетъ отъ вниманія этотъ ужасный конецъ и вся неизмѣнно однообразная пошлость нашего существованія. Позднѣе она начинаетъ постоянно бросаться въ глаза мыслящему человѣку.

Повидимому, и для Мопассана однообразіе и бѣдность нашей жизни стали подъ конецъ источникомъ истинныхъ и невыносимыхъ страданій. За три года до прекращенія своей литературной дѣятельности Мопассанъ еще разъ—только выразительнѣе прежняго—повторилъ то, что говорилъ и ранѣе.

Онъ писалъ: „Все доказываетъ, что люди были выброшены въ этотъ міръ такими ничтожными единственно для того, чтобы пить, ѣсть, производить дѣтей и шансонетки и для забавы убивать другъ друга.

„Счастливы тѣ, кого жизнь удовлетворяетъ, которые веселятся и довольны.

„Есть люди, которые все любятъ, всѣмъ восхищаются. Они любятъ солнце и дождь, снѣгъ и туманъ, шумные праздники и домашнюю тишину, любятъ все, что видятъ, что дѣлаютъ, что говорятъ, что слышатъ. Одни изъ нихъ ведутъ тихую, скромную, довольную жизнь среди своихъ семей, другіе веселятся и развлекаются. Ни тѣ, ни дру-

гіе не скучаютъ. Жизнь для нихъ—забавное зрѣлище, въ которомъ они-же и актеры,—вещь хорошая и вѣчно измѣняющаяся. Она не удивляетъ ихъ, но восхищаетъ.

„Но есть люди, которые, охвативъ молніеносною мыслью узкій кругозоръ возможныхъ наслажденій, поражаются ничтожествомъ нашего счастія, однообразіемъ и бѣдностью земныхъ радостей. Въ тридцать лѣтъ для нихъ все уже кончено. Чего имъ еще ждать впереди? Ничто ихъ не развлекаетъ, они извѣдали весь кругъ нашихъ жалкихъ удовольствій.

„Счастливы тѣ, кому незнакомо страшное омерзѣніе къ однимъ и тѣмъ-же неизмѣнно повторяющимся дѣламъ, счастливы тѣ, у кого хватаетъ силъ ежедневно приниматься за тѣ же заботы, съ тѣми-же пріемами, при той же обстановкѣ, передъ тѣмъ-же горизонтомъ, подъ тѣмъ-же небомъ, разгуливая по тѣмъ-же улицамъ и встрѣчая все тѣхъ-же людей и животныхъ. Счастливы тѣ, которые не замѣчаютъ, съ страшнымъ отвращеніемъ, что ничто не измѣняется, ничто не исчезаетъ, и все утомляетъ. Только при такомъ тяжеломъ, замкнутомъ, нетребовательномъ умѣ, какъ нашъ, люди могутъ удовлетворяться существующимъ. Удивительно, какъ человѣчество еще до сихъ поръ не крикнуло: „Опустите занавѣсъ!“ и не потребовало слѣдующаго акта съ другими дѣйствующими лицами—не людьми,—съ существами другой формы, съ другими растеніями, другими планетами, другими приключеніями?“

Эти въ высшей степени скорбныя строки свидѣтельствуютъ, какъ нельзя лучше, сколь мучительнымъ сталъ для Мопассана пессимизмъ его послѣднихъ лѣтъ. Жизнь ради жизни болѣе не радовала его.

Итакъ, начавъ веселой, а по временамъ и грустной, насмѣшкой надъ несправедливостями, нелѣпостями и пошлостями жизни, Мопассанъ подъ конецъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ радостей существованія, проникался горечью и впадалъ въ меланхолію.

Онъ и собственнымъ примѣромъ, какъ нельзя ужаснѣе, иллюстрировалъ тотъ, съ грустью отмѣчаемый имъ, роковой законъ жизни, которому подпадаетъ все живущее, законъ ветшанія индивидовъ, особенно тягостный и страшный для людей, ставящихъ центральнымъ интересомъ жизни культъ плоти. Самъ Мопассанъ художественно изобразилъ страхъ, внушаемый приближеніемъ смерти, въ романѣ „Fort comme la mort“. Параллельно тому ранѣе Мопассанъ превосходно проанализовалъ не внѣшнее, а внутреннее увяданіе и послѣдовательную утрату человѣческою душею ея листьевъ и цвѣтовъ по мѣрѣ приближе-

нія личности къ осени и зимней смерти жизни: постепенно, цѣлымъ рядомъ печальныхъ опытовъ личность отрѣшается отъ очарованій и надеждъ молодости и все болѣе и болѣе смыкаетъ кругъ своихъ свѣтлыхъ упованій. Такой общій процессъ, совершающійся въ жизни каждой личности, переносящей цѣлый рядъ невзгодъ и ударовъ судьбы, Мопассанъ прослѣдилъ съ замѣчательною теплотою и художественностью въ романѣ „Une vie"—въ жизни женщины, которая становится какъ бы типическою представительницею.

Мопассанъ покончилъ не такъ, какъ его романическая Жанна, у которой осталась хоть какая-нибудь еще отрада въ жизни въ лицѣ ея внука.

Его кругозоръ, стремленія, а вмѣстѣ и страданія его пылкой и крайне впечатлительной души были неизмѣримо глубже и ужаснѣе, чѣмъ горе обыкновенныхъ людей, а потому и исходъ былъ иной.

Подвергнувъ анализу послѣднія произведенія Мопассана, можно, кажется, открыть истинную—внутреннюю—причину постигшей его страшной катастрофы сумасшествія наряду съ извѣстными намъ причинами чисто физическими—наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, усталостію отъ крайняго напряженія въ трудѣ и т. п.

Съ одной стороны, знаніе представлялось Мопассану, согласно съ теоріей Тэна, которой онъ слѣдовалъ, возможнымъ постольку, поскольку могутъ намъ доставить его наши чувства, и соотвѣтственно тому единственно возможными казались матеріализмъ и пессимизмъ, который и былъ сконцентрированъ съ особою силою и уже прямо теоретически въ „Sur l'eau". А съ другой стороны, Мопассана начала все болѣе и болѣе влечь къ себѣ область таинственнаго (см., напр., Le Horla), занимавшая его уже и въ началѣ его литературной дѣятельности. Натурализмъ оказался безсильнымъ въ объясненіи явленій жизни.

Будучи подавляемъ этимъ противорѣчіемъ, Мопассанъ, повидимому, развилъ въ себѣ крайнюю нервность и впечатлительность, доходившія въ концѣ до болѣзненности, ту впечатлительность, въ которой онъ усматривалъ необходимую принадлежность истиннаго поэта (См. La vie errante).

Мопассанъ повернулъ въ сторону такъ называемаго декадентства, не удовлетворяющагося натурализмомъ и стремящагося уловить въ міровой жизни то, чего не замѣчаетъ обыкновенный смертный; Мопассанъ цитовалъ теперь Бодлэра, начинателя французскаго декадентства, и, такимъ образомъ, въ Мопассанѣ можно наблюдать и этотъ интересный

переливъ въ современной жизни и поэзіи, распространившійся широко и за предѣлами Франціи. Задачу поэзіи Мопассанъ отождествлялъ теперь не съ простымъ реализмомъ, какъ прежде, а съ попытками проникать въ область таинственнаго, неотвратимо манящаго къ себѣ.

То былъ уже не прежній Мопассанъ, отзывавшійся такъ долго съ насмѣшкой, а иногда даже съ прямымъ кощунствомъ, о вѣрѣ, ея установленіяхъ и обрядахъ. Онъ упоминалъ теперь не безъ уваженія о Христѣ. Поэтъ плоти и ея инстинктовъ, какимъ по преимуществу былъ Мопассанъ въ началѣ своей дѣятельности, сталъ подъ конецъ поэтомъ и болѣе возвышенныхъ порывовъ, признавшимъ и силу и права послѣднихъ.

Противорѣчія были крайне велики и страшно удручали. „Тайна жизни“, выразился Мопассанъ въ „Sur l'eau“, составляетъ нашу страшную муку, и эта-то мука главнымъ образомъ и сразила его. Мопассанъ былъ, повидимому, на пути къ выходу изъ нея, но все-таки не нашелъ этого выхода. Потому онъ такъ и остался провозвѣстникомъ пессимизма, далѣе котораго рѣдко кто шелъ изъ поэтовъ того направленія, въ груди которыхъ билось сердце, не лишенное отзывчивости къ прекрасному и доброму въ мірѣ.

Ознакомившись съ міровоззрѣніемъ Мопассана, намъ нечего уже останавливаться на другихъ современныхъ представителяхъ натуралистическаго пессимизма въ поэзіи, напр. на Лоти, который можетъ быть названъ Бернарденомъ де-Сенъ-Пьеръ XIX в., съ тѣмъ различіемъ, что не одна Виргинія, а многія являются предметомъ его поэзіи. Нѣтъ надобности касаться также романистовъ, для которыхъ не такъ трудно было свернуть съ дороги настоящаго пессимизма, каковы Бурже и Эдуардъ Родъ. Послѣдняго можно признать однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ настоящее время выразителей поворота во французской литературѣ въ сторону признанія нравственнаго долга. Этотъ „благородный пессимистъ, ищущій въ своемъ несчастіи несчастія другихъ, но не обманывающій себя касательно практической важности своего альтруизма“, приходитъ какъ будто къ выводу, что „лучшій способъ принимать и понимать жизнь—не искать въ ней счастія, но исполнять обязанности, даже если при этомъ не достигнемъ полнаго оправданія для себя высшей ихъ разумности“.

IV. Перейдемъ къ выводамъ изъ всего сказаннаго о развитіи пессимизма въ новоевропейской поэзіи и затѣмъ къ оцѣнкѣ его, съ его же точки зрѣнія, на основаніи допущенныхъ имъ недомолвокъ и присущихъ ему противорѣчій.

Пессимизмъ былъ прежде всего мрачнымъ настроеніемъ отдѣльныхъ личностей Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, когда онъ сталъ массовымъ теченіемъ, онъ подтверждаетъ наблюденіе въ родѣ высказаннаго Мопассаномъ: „негодованіе, какъ и все остальное, зависитъ отъ окружающей сферы".

Исходнымъ пунктомъ новоевропейскаго пессимизма была Англія XVII и XVIII вв. съ выдвинутыми ею начатками натурализма, особаго отношенія и любви къ природѣ ради нея самой, меланхолическаго сѣтованія и т. п. Особо благопріятную почву для развитія мрачнаго міровоззрѣнія въ будущемъ подготовляла Франція прошлаго вѣка, Франція Вольтера, матеріалистовъ, Crebillon-а сына и другихъ дѣятелей отрицанія и расшатыванія вѣковыхъ устоевъ, Франція, въ которой извращеніе культуры вызвало реакцію и мрачныя воззрѣнія Руссо на общество. Германія второй половины прошлаго вѣка также восприняла это теченіе въ силу крайне печальнаго состоянія, въ которомъ такъ долго пребывала. Мрачное міровоззрѣніе усилилось въ западно-европейскомъ обществѣ подъ вліяніемъ великихъ потрясеній и неудачъ, испытанныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка. Съ той поры оно непрерывно поддерживалось и достигло особой силы во Франціи послѣ 1870—71 гг.

Мрачное міровоззрѣніе европейскаго Запада прошло нѣсколько стадій въ поэзіи: являясь вначалѣ отдѣльными взрывами личнаго сомнѣнія, негодованія и отрицанія общественности, безъ полнаго устраненія религіозной вѣры, а затѣмъ такъ называемою міровою скорбью, оно стало лишь въ концѣ опредѣленною, отчетливою пессимистическою и вмѣстѣ атеистическою доктриною.

На первыхъ порахъ мрачное міровоззрѣніе Запада носило преимущественно лирическо-субъективный характеръ гордаго и страстнаго протеста противъ золъ жизни съ точки зрѣнія интересовъ личности. Таковы вопли негодованія Гэмлета, Мильтонова Сатаны, отчасти Мизантропа, Гётевскихъ Вертера и Прометея и другихъ. Скорбное міросозерцаніе сохраняло лирическо-субъективный характеръ еще въ лирикѣ и лирическихъ поэмахъ Байрона и Альфреда де-Мюссэ. Во второй половинѣ нашего вѣка пессимизмъ достигаетъ уже значительной объективности въ поэзіи въ формѣ романа и становится какъ бы философски-безстрастнымъ созерцаніемъ.

Но какъ прежде, такъ и теперь это мрачное міровоззрѣніе является въ существѣ протестомъ созрѣвшей въ сознаніи своего значенія

и достоинства личности противъ ограниченій, налагаемыхъ на нее ближайшею печальною дѣйствительностію, за которою представляется столь же печальнымъ и весь строй міровой жизни. Безграничныя стремленія съ одной стороны, а съ другой углубленное наблюденіе, выносимое такою личностью изъ окружающей безотрадной обстановки, при потрясеніи религіозной вѣры въ разумное міроправленіе и расшатанности вѣковыхъ устоевъ жизни, какъ то было, напр., въ Англіи XVII в. или во Франціи XVIII и XIX вв., являются однимъ изъ первыхъ источниковъ пессимизма. Міровая скорбь и затѣмъ пессимизмъ были крайнимъ выраженіемъ того индивидуализма, которымъ характеризуется новое, начиная съ эпохи Возрожденія, и преимущественно новѣйшее время, начиная съ Руссо. Скорбное и мрачное міровоззрѣніе развивалось параллельно стремленіямъ и революціоннымъ порывамъ европейскаго человѣчества преобразовать печальную дѣйствительность и параллельно все большему и большему осужденію послѣдней, согласно съ вѣрою въ исключительную разумность внутренняго міра, къ которому долженъ приспособляться неразумный внѣшній міръ.

Кромѣ жизни, окружающей личность, послѣднюю приводили къ мрачному міровоззрѣнію и чисто личныя, но обобщенныя неудачи въ тѣхъ или иныхъ идеалистическихъ порывахъ, мучительное томленіе непостижимостію тайны жизни, безотрадное и жгучее сомнѣніе, ужасающее сознаніе своего душевнаго раздвоенія, при отсутствіи возможности найти опору и успокоеніе извнѣ для своей мысли.

Подспорьемъ поэтическаго пессимизма являлись соотвѣтственныя литературныя воздѣйствія и философскія системы того-же пошиба, какъ древнія (напримѣръ, Эпикурова въ изложеніи Люкреція), такъ и новыя, начиная съ англійскаго и французскаго натурализма и матеріализма и оканчивая ученіемъ Шопенгауэра. Достопримѣчательно, что обстоятельное философское развитіе и формулировка западно-европейскаго пессимизма явились только въ нашемъ столѣтіи. Гораздо большее значеніе имѣли открытія и выводы новѣйшей науки. Для многихъ эти выводы казались безотрадными, разрушая вѣру въ личное безсмертіе. Тѣмъ тягостнѣе становилась тогда мысль о смерти, столь удручающая многихъ пессимистовъ и служившая для иныхъ исходнымъ пунктомъ всего скорбнаго и мрачнаго созерцанія, предметомъ постояннаго негодованія.

Выходя изъ такихъ бурныхъ и мрачныхъ началъ, пессимистическое міровоззрѣніе не только не даетъ истиннаго счастія и покоя, оно

не приноситъ даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ руководительныхъ началъ для жизни, особливо для жизни въ обществѣ, и остается безотвѣтнымъ передъ вопросомъ: въ какое же стать отношеніе къ жизни? Вѣдь руководиться стремленіемъ къ смерти либо эгоизмомъ и однимъ натурализмомъ, или эмпиризмомъ, невозможно: въ томъ убѣждаетъ на каждомъ шагу какъ современная, такъ и прошлая жизнь человѣчества.

Потому волей-неволей, сознательно, либо безсознательно нѣкоторые поэты міровой скорби, мрачнаго міровоззрѣнія и пессимизма искали и ищутъ выхода изъ своей скорби и тоски и, носясь въ безбрежномъ морѣ отчаянія, страстно простираютъ руки впередъ въ надеждѣ найти хоть какой-нибудь опорный пунктъ послѣ крушенія.

Философскій пессимизмъ усматриваетъ въ стремленіи къ смерти лучшій выходъ изъ тягостей и бѣдъ жизни. Пессимизмъ въ поэзіи не всегда рекомендуетъ, какъ Люкрецій, состояніе индифферентности, либо, какъ-то дѣлаетъ Леконтъ де-Лиль, буддійскую нирвану; онъ представляетъ иногда какъ бы коррективъ къ пессимизму метафизическому. Онъ становится, въ концѣ концовъ, не столь одностороннимъ созерцаніемъ жизни и не закрываетъ пути къ болѣе свѣтлому взгляду на нее.

Даже иные изъ настоящихъ, повидимому, холодно и безстрастно созерцающихъ, пессимистовъ сворачиваютъ съ прямой линіи своей безнадежности. Видно, теорія о стихійности жизни и о безропотномъ слѣдованіи естественнымъ влеченіямъ и инстинктамъ по примѣру остальныхъ живыхъ существъ, теорія о томъ, что людямъ нечего стремиться къ святости и играть роль героевъ, не приноситъ никакого успокоенія. Не удовлетворяясь этой теоріей, Бурже направился къ такъ-назыв. нео-католицизму, Лоти обратился къ мечтамъ объ идиллическомъ счастіи, къ иллюзіямъ простоты и наивности. Даже такой ультра-натуралистъ и пессимистъ, какъ Золя, не разстался съ вѣрою въ силу науки и въ лучшее будущее. И на перепутьи, какъ мы видѣли, очутился въ концѣ и Мопассанъ. Выходы изъ пессимизма оказываются, слѣдовательно, различные, но важно, что ихъ ищутъ и находятъ.

Наиболѣе мраченъ тотъ пессимизмъ, который извѣрился даже въ наукѣ, лучшей послѣ религіознаго чувства и нравственныхъ началъ опорѣ чистой человѣчности. Онъ нашелъ косвенную поддержку на дняхъ на страницахъ „Revue des Deux Mondes“, гдѣ Брюнетьеръ послѣ визита въ Римъ заявилъ, что наука не сдержала своихъ обѣ-

ціей. Но не лишено значенія, что все-таки опираются на науку, либо отъ нея отправляются и самые мрачные изъ пессимистовъ: Золя —физіологъ и патологъ, Леконтъ де-Лиль, Сюлли Прюдонъ стоятъ на почвѣ эрудиціи, m-me Аккерманнъ жаждала знанія, Бурже—психологъ, Гюи де-Мопассанъ въ сущности также придерживался нѣкоторыхъ современныхъ научныхъ взглядовъ на человѣка. Да и въ самомъ-ли дѣлѣ полонъ безнадежности и тотъ поэтическій, крайній повидимому, пессимизмъ, который не возлагаетъ надеждъ даже на науку? Своею собственною дѣятельностью поэты пессимизма какъ-бы противорѣчатъ послѣднему. Величаво спокойный Леконтъ де-Лиль художественно отдѣлывалъ свои стихотворенія, полныя глубочайшей скорби. Мопассанъ, иронизовавшій даже надъ мыслью и творчествомъ, самъ однако трудился до конца жизни, оставаясь до конца человѣкомъ непреклонной воли, терпѣливаго, неустаннаго труда. Можно было-бы привести и другіе примѣры такой непослѣдовательности поэтовъ и философовъ пессимизма. Она для насъ дорога, между прочимъ, и потому, что въ ней сказывается хотя-бы инстинктивная вѣра въ великую силу и значеніе разумнаго литературнаго слова, а слѣдовательно и просвѣщенія и, чрезъ послѣднее—науки, вѣра, наводящая на истинный путь. Въ связи съ этимъ характерно, что въ то время какъ одни пессимисты преподаютъ вслѣдъ за стоиками и эпикурейцами совѣтъ: „терпи и воздержись“, изъ устъ другихъ слышимъ призывъ къ энергической дѣятельности во имя, между прочимъ, общаго блага и любви къ человѣчеству, призывъ къ работѣ надъ устраненіемъ золъ, удручающихъ наше существованіе. Будемъ трудиться не разсуждая, говорилось въ знаменитой Вольтеровой повѣсти о Кандидѣ. Такой-же въ сущности призывъ слышимъ въ заключеніи Фауста Гёте и въ послѣднемъ письмѣ героя повѣсти Тургенева „Фаустъ“. Къ труду приглашаетъ Золя, какъ и Ибсенъ въ своей новѣйшей пьесѣ: „Маленькій Эйольфъ“. „Человѣчество выше личности“, какъ будто хочетъ сказать Ибсенъ въ этой драмѣ. Къ пожертвованію нашимъ индивидуализмомъ во имя альтруизма склоняютъ въ существѣ и буддійская отчасти система Шопенгауэра, и даже утилитаризмъ Конта, Милля или Джорджа Эліота, и соціализмъ, и мистицизмъ Л. Н. Толстого.

Подобные призывы не противорѣчатъ умѣренному поэтическому пессимизму, который не можетъ дойти до вполнѣ холоднаго созерцанія горестей жизни и отрѣшиться отъ любви къ человѣчеству и отъ признанія нѣкоторыхъ свѣтлыхъ задатковъ въ его жизни.

Сосредоточивая вниманіе на бѣдствіяхъ жизни, пессимизмъ, даже натуралистическій, задающійся вполнѣ объективнымъ изображеніемъ жизни, но часто не выдерживающій роли холоднаго наблюдателя, внушаетъ неизбѣжно сострадание къ человѣчеству, несчастному не по своей только винѣ: высшій пессимизмъ—не мизантропія. Сострадание же взываетъ къ дѣятельности вспомоществованія. Такимъ образомъ, изученіе отраженія безотрадной дѣйствительности въ пессимистической поэзіи побуждаетъ послѣ удрученія, которое приходится испытывать, вновь собираться съ энергіей ради лучшаго будущаго.

Не зависящія отъ насъ физическія условія нашего существованія и проистекающія изъ нихъ бѣды не отвратимы вполнѣ. Но не таково указываемое пессимизмомъ зло, коренящееся въ насъ самихъ: на многіе изъ естественныхъ задатковъ человѣческой натуры возможно вліять, перерабатывая, совершенствуя и направляя ихъ къ высшимъ цѣлямъ, какъ пособляютъ въ иныхъ случаяхъ и природѣ, подчиняя ее своимъ намѣреніямъ.

Натуралистическій пессимизмъ, на ряду съ прославленіемъ слѣдованія инстинктамъ природы, прямо или косвенно показываетъ и губительные результаты, къ которымъ приводитъ необработанность и разнузданность этой природы, являющаяся источникомъ зла въ насъ самихъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ человѣческой натурѣ, столь слабой и несовершенной, поэтическій пессимизмъ отмѣчаетъ и иные инстинкты, какъ бы проблески божественнаго огня, въ то же время выказывая ихъ и въ самомъ себѣ, и, такимъ образомъ, самъ опровергаетъ низведеніе человѣка до ступени животнаго (Будемъ ли мы объяснять эти проблески согласно съ Кантомъ, или съ помощію теоріи эволюціи, въ данномъ случаѣ не особенно важно).

И поэтъ скорбнаго міровоззрѣнія проникается въ виду природы восторгомъ если не всегда, то хотя по временамъ. Пренебрежительно относясь иногда къ наукѣ, и пессимизмъ не можетъ не признать, что мышленіе доставляетъ человѣку отраду даже среди скорби существованія. И онъ устами Мопассана жалуется на мучительность одиночества. И онъ отмѣчаетъ удивительный подъемъ духа, вызываемый тѣмъ самымъ чувствомъ любви, которое можетъ и ниспускаться до грубой животности, и восходить почти до небесной высоты, какъ въ „Мечтѣ“ Золя. И пессимизмъ долженъ признать (наприм., въ „Une aventure Parisienne“ Мопассана) то отвращеніе, какое внушаетъ

извѣданный порокъ личности свѣжей и не вполнѣ испорченной. И пессимизмъ можетъ высоко возносить мыслящую личность надъ пошлостью существованія, выставляя на показъ эту пошлость со всей безпощадностью. И онъ признаетъ чувства, обусловливающія семью, и обнаруживаетъ не разъ влеченіе возвратить современнаго человѣка, утомленнаго блужданіями, къ покою и скромнымъ, но незамѣнимымъ, радостямъ семейнаго очага. Даже въ не совсѣмъ чистыхъ увлеченіяхъ человѣка иногда однимъ изъ двигателей является преклоненіе передъ красотою, въ которой есть уже что-то таинственное, что должно бы останавливать на себѣ вниманіе по преимуществу. Въ „Le Horla“ Мопассана и т. п. произведеніяхъ натурализмъ и пессимизмъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ по направленію къ области загадочнаго, конечно, шагъ ужасный, но знаменательный.

Правда, указанія на прекрасные задатки истинной человѣческой природы и на отрадныя явленія человѣческой жизни разрознены у поэтовъ пессимизма, дѣлаются мелькомъ и какъ-бы теряются во множествѣ совсѣмъ иныхъ, односторонніхъ картинъ, между тѣмъ какъ вполнѣ здоровая поэзія отводитъ имъ должное мѣсто и признаетъ, что во всякомъ обществѣ въ концѣ концовъ должны брать верхъ добрыя начала жизни, и въ постепенномъ торжествѣ ихъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ и состоитъ прогрессъ общества. Пессимизмъ отрицаетъ то, но и онъ долженъ признать, что намъ присущи любовь къ природѣ, т. е. къ обнаруженію въ ней чего-то, стоящаго за ея внѣшностью, чувство возвышеннаго, божественная искра Прометеева огня во влеченіи къ знанію, нравственные задатки въ добрыхъ влеченіяхъ сердца, стремленіе къ общительности, любовь къ прекрасной личности, какъ чувство высшей дружбы и безграничной привязанности, столь простое и въ то-же время столь нѣжное чувство, взаимно связывающее родителей и дѣтей, патріотическое чувство, соединяющее людей одной національности, любовь къ человѣку, „откуда-бъ онъ ни былъ“, тонкое пониманіе красоты природы и искусства, влеченіе въ сферу идеала, усматриваніе перспективы таинственнаго и божественнаго. А все это—элементы той „прекрасной души“, о которой грезили великіе поэты конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, прошедшіе горькую и тяжелую школу пессимизма и возвращавшіеся къ просвѣтленному оптимизму. Если-же такія „прекрасныя души“, совмѣщающія въ себѣ хотя часть высокихъ достоинствъ, существуютъ не въ мечтѣ только, какъ думаетъ Золя, а въ

дѣйствительности, какъ то показываетъ многовѣковая жизнь человѣчества, и если ихъ соединяетъ непрерывно, на протяженіи всей исторіи, внутренній, духовный, союзъ общихъ высшихъ стремленій, то уже не можетъ быть мѣста пессимизму. Души, доброхотно и возвышенно настроенныя, выше стоятъ чисто личныхъ интересовъ и несчастій. Тотъ міръ, въ которомъ существуютъ подобныя личности, уже не неразуменъ и не заправляется одною слѣпою волею къ жизни. Въ виду того, что и такія личности не избѣгаютъ страданій и общей гибельной участи, можетъ существовать грусть о томъ, что, по выраженію поэта, „таковъ удѣлъ всего прекраснаго на свѣтѣ“. Но, съ другой стороны, виникаетъ тѣмъ съ большею настойчивостію стремленіе противопоставить слѣпой или непонятной силѣ жестокихъ и неумолимыхъ законовъ жизни и ея неправдѣ хотя въ отдѣльные моменты міровой исторіи всю силу высокихъ достоинствъ прекрасной личности, согрѣтой энтузіазмомъ къ добру, находящей высшую радость въ сознательномъ жертвованіи личнымъ счастіемъ общему благу и преуспѣянію человѣчества, въ сознаніи своей высоты надъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ и кажущихся фатальностей, хотя-бы они и подавляли матеріально, и усматривающей одну изъ высшихъ цѣлей нашей дѣятельности—въ борьбѣ съ тьмою непознаннаго, въ расширеніи знанія и въ преодолѣніи неразумнаго въ нашемъ мірѣ высшимъ разумомъ ради торжества высшихъ началъ.

Такая личность на вопросъ:

Wonach soll man am Ende trachten? (Къ чему-же должно, въ концѣ концовъ, стремиться?),—отвѣтитъ вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ-мудрецомъ Гёте:

Die Welt zu kennen und nicht zu verachten (Познавать міръ и не презирать его).

Stanford University Libraries
3 6105 010 599 228

PN
56
P4D3

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE